

Олег Фурсин

Калигула... оболганный в веках

Олег Фурсин

Калигула... оболганный в веках

«Автор»

2026

Фурсин О. П.

Калигула... оболганный в веках / О. П. Фурсин — «Автор», 2026

Если Вы полагаете, что герой этой книги настоящее чудовище, которое казнит без разбора правых и виноватых, время проводит в бесконечных оргиях, устраивает своему любимому коню Быстроному великолепную конюшню непосредственно в Сенате, то Вы ошибаетесь. Это означает лишь, что Вы неплохо знакомы с официальной историографией. Читали книги, смотрели фильмы о третьем императоре Рима, Гаем Августе Цезаре Германике. И имеете о нем свое представление; с нашей точки зрения, глубоко неверное. Авторы романа «Калигула» приносят Вам свои искренние извинения. Ничего этого в книге, которая перед Вами, нет. Есть любовь к Риму, есть великие дела, которые свершены во славу отечества. Есть все, чтобы понять: это была короткая, трудная, но яркая жизнь, от колыбели до последнего удара мечом. История принца датского в сравнении с реальной историей Калигулы – просто веселый водевиль. И после смерти императору не довелось обрести покой; его оболгали. Кто и зачем это сделал? Обо всем этом – на страницах книги

© Фурсин О. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие.	5
Глава 1. Детство.	13
Г	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Олег Фурсин

Калигула... оболганный в веках

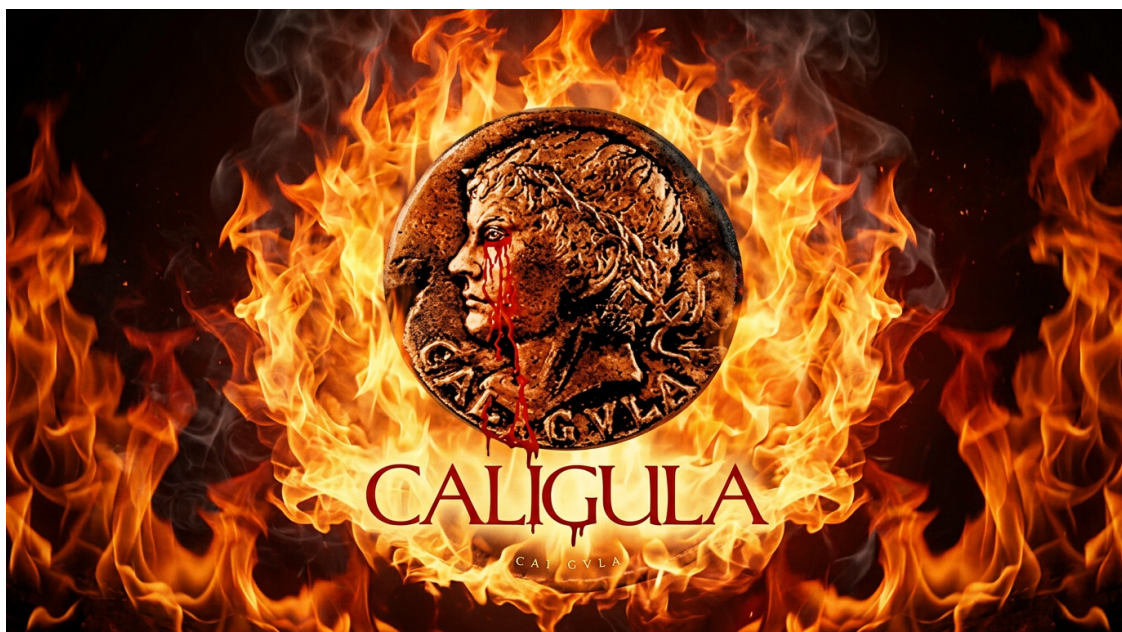
Предисловие.

Если Вы полагаете, что герой этой книги настоящее чудовище, которое казнит без разбора правых и виноватых, время проводит в бесконечных оргиях, устраивает своему любимому коню Быстроному великолепную конюшню непосредственно в Сенате, то Вы ошибаетесь.

Это означает лишь, что Вы неплохо знакомы с официальной историографией. Читали книги, смотрели фильмы о третьем императоре Рима, Гаем Августе Цезаре Германике. И имеете о нем свое представление; с нашей точки зрения, глубоко неверное.

Авторы романа «Калигула», Фурсин О.П., Какабадзе М.О., приносят Вам свои искренние извинения. Ничего этого в книге, которая перед Вами, нет.

Зато есть в ней Тевтобургский лес, в котором малыш Калигула переживает глубочайшую трагедию своего народа. Есть арены, на которых будущий цезарь рискует жизнью, сражаясь с собственной трусостью. Есть его непролитые слезы о семье, которую уничтожили: отец отравлен, мать и братья уморены голодом или предпочли нож позорной казни. Есть трагедия человека, который тяжело болен. Есть его любовь, неразделенная, но при этом обоюдная; не спрашивайте, как это возможно, читайте! Есть знаменитый «удар Германика», которым убивает цезарь. Есть любовь к Риму, есть великие дела, которые свершены во славу отечества. Есть все, чтобы понять: это была короткая, трудная, но яркая жизнь, от колыбели до последнего удара мечом. История принца датского в сравнении с реальной историей Калигулы – просто весёлый водевиль. И после смерти императору не довелось обрести покой; его оболгали. Кто и зачем это сделал? Обо всем этом – на страницах книги

Имя главного героя вынесено в название романа. Это третий император Рима, Гай Август Цезарь Германик, более известный в истории как Калигула.

Так прозвали будущего цезаря legionеры Рима, и произносят они это имя очень ласково. Цезарь еще мал, ему всего три года. «Сапожок» — зовут малыша; мальчик одет как legionеры, обут в калиги, сапоги солдатского образца, только маленькие, по размеру его собственной ножки. Той самой ножки, которая хоть и мала, но достойна мрамора дворцов, только не по ним ступает.

Детство Калигулы не назовешь легким. Отец его, великий полководец Германик, мать его, Агриппина Старшая, внучка первого императора Рима Октавиана Августа, детей своих отнюдь не балуют. И старшие братья Калигулы, и сам Калигула, и младшие сестры его в той или иной мере познают запахи костров в походных лагерях, неудобства житья в бревенчатых срубах. Семья полководца участвует в жизни отца, а жизнь отца — это битвы с дикарями-германцами. Это подавления бунтов в войсках, недовольных политикой императора Тиберия. Это интриги, которым Германик, вероятный наследник власти — и потому соперник родного сына Тиберия — вынужден противостоять.

В жизнь Калигулы рано входит Тевтобургский лес. Это боль Рима, одно из самых великих его страданий. Здесь погибли три легиона Рима. Для страны, беспрестанно воюющей, воинская честь отнюдь не пустой звук. Поражение в бою — великий позор. Больше никогда в истории Рима не будет легионов под номерами 17, 18, 19. Имена legionеров, среди которых немало героев прошлых битв, навеки сотрут с памятников. Их предадут забвению. Есть только одна возможность помочь: вернуть орлы (значки легионов, нечто вроде знамени, штандарта). Под орлами можно будет собрать легион вновь, и тогда те, кто погиб, не умрут дважды.

Калигула становится свидетелем огромной радости legionеров: два из трех орлов отбиты в бою, возвращены отцом Риму. И свидетелем огромного горя, поистине безбрежного, когда ему доведется участвовать вместе с legionерами в захоронении останков тех, кто погиб в Тевтобургском лесу.

Детство Калигулы заканчивается в возрасте восьми лет, когда погибает от яда его отец. В пригороде Антиохии, Эпидафне.

Тиберий, напуганный успехами Германика на Рейне, отзывает полководца в Рим и отправляет его на Восток с определенной миссией. Поначалу все так завораживающе-прекрасно: теплые соленые волны Красного моря, жаркое солнце, море песка, лежащего у подножия пирамид. Рядом с отцом не страшно. Не страшны даже пристальные взгляды жрецов, от которых слабеют ноги, кружится голова. Даже крики и стоны мертвых в Долине Царей.

Миссия Германиком отнюдь не провалена; но завершить ее просто не дают. Смерть отца кладет начало печальному ряду прощаний; юность Калигулы омрачена гонениями на семью, гибелью родных и близких.

Возвратившаяся в Рим семья подвергается императором Тиберием опале. Гибнут мать и старшие братья Калигулы, гибнут страшно, от голода и ножа. Сам Калигула призывается Тиберием на Капри, где вдали от Рима и его ненависти прячется тиран. Отныне Калигула подвергается опасностям на каждом шагу. За ним следят, его вынуждают протестовать, гневаться на Тиберия, высказывать опасные мысли. Юноша привыкает носить маску. Он насмешлив, он без конца улыбается. И молчит. Высказаться — по какому бы то ни было поводу — его не заставишь. Он понимает: смерть и без того сторожит на каждом шагу. Калигула выживает.

Но юность есть юность. Он был бы стариком, если бы умел лишь молчать и улыбаться. Ему необходимо выплеснуть свои эмоции. Его гнев, его ненависть, его энергия ищут выхода. Поэтому он жаждет приключений. И находит их, конечно: на ристалищах в цирке, в гладиаторских боях, в сражениях с соперниками в любви. В лупанариях Рима, в кварталах с дурной славой. В этих местах он воспринимает себя чуть ли не храбрецом, тогда как в жизни обыден-

ной он обыкновенный трус. Трус, не сказавший и слова в защиту родных. Это мучает его, это толкает на поступки дурные, подлые.

В своих приключениях на улицах Рима обретает Калигула страшного недруга: и без того ненавидевшего всю его семью временщика Тиберия, Луция Элия Сеяна. Здесь же находит спасителя: Тень. Странная личность, глава тайной службы Тиберия, будущий слуга Калигулы; он рядом, но почти не видим, не слышен и не осязаем. Он спасает, когда этого требует Рим. И не спасает, если Рим безмолвствует

Единственный друг Калигулы — его сестра, Друзилла. Есть, конечно, еще бабушка Антония, прабабушка Ливия, дядя Клавдий, и каждый из них по-своему оберегает Калигулу. Но друзьями он их не зовет, это родные. Не скоро догадается Калигула, что и Друзилла ему не совсем друг. Он любит сестру иначе, отнюдь не братской любовью. Он готов убить, убивает тех, кто с нею рядом, он страдает любовью почти животной к ней, родной, близкой, теплой. Но осознание своего чувства к ней как к женщине придет позже. Уже после болезни, изменившей самого Калигулу.

Тиберий погибает. Это дар судьбы, но не только. Старик заболевает, что естественно; однако смерть его отнюдь не естественна. Помогает Тиберию уйти из жизни глава преторианской гвардии Невий Серторий Макрон. Он душит Тиберия; Калигула свидетель убийства, и вновь молчаливый свидетель. Макрона, также как и его жену, Эннию Невию, он ненавидит. И это несмотря на то, что Энния стала его любовницей. Эта пара подбирается к Калигуле давно. Ясно, что у них собственная цель, и состоит она в том, чтобы приблизиться к власти через Калигулу. Энния на самом деле совратила Калигулу: забыть обстоятельства их первой близости он не в силах. Это произошло на могиле первой жены Калигулы, которая погибла в родах. И вот теперь он обязан Макрону не только тем, что они разделяют одну женщину на двоих, но и тем, что пришел к власти.

Калигула — принцепс, он обрел империй. Он строит, он созидает, он раздает деньги, дарит вольности, возвращает из ссылки.

И, однако, судьба по-прежнему его не щадит. Умирает бабушка Антония, несравненная и мудрая советчица в делах. Калигула заболевает тем, что в его времена называлось «мозговой горячкой» (наиболее вероятен клещевой энцефалит, затем его хроническая форма). Вся страна в слезах и молитвах: закалываются жертвенные животные, даются обещания в храмы сражаться за императора в качестве легионера или гладиатора, умереть за него. Принцепс выживает. Но и только. Теперь у него судорожные припадки, постоянные головные боли, расстройства походки. Теперь он подозрителен и ревнив. Теперь он мстителен. Великий понтифик Рима, то есть первый жрец страны, равнодушно читает нужные формулы обречения на смерть тем людям, которые клялись умереть во имя его выздоровления.

Он повинен в смерти внука Тиберия, молодого Тиберия Гемелла. Он расправляется с Невием Серторием Макроном и его женой. Он принуждает к смерти бывшего тестя, Марка Силана

После смерти Друзиллы Калигула теряет вкус к жизни. Он еще молод, но отчаяние и болезнь, постоянные спутники его жизни, подтачивают силы, губят. Его часто посещают видения; ушедшие родные и близкие водят вокруг больного хороводы смерти. Мольбы бессмысленны, просьбы не будут услышаны.

Есть еще долг. Долг побуждает к жизни. Калигула сражается в Германии. Калигула возвращает орла последнего из легионов, погибших в Тевтобургском лесу. Затекает вместе с дядей поход в Британию. Женщина, которую он все же встретил после смерти Друзиллы, пусть и не любима им также горячо, как сестра, но дарит ему покой душевный и ласку. Она и мать, и сестра, и подруга. В конце концов, она разрешается от бремени его ребенком, девочкой; это побуждает Калигулу жениться на Милонии Цезонии. Калигула обожает дочь, названную им Юлией Друзиллой.

Противостояние сената и императора достигает апогея. Оно присутствовало все время правления Калигулы, неполные четыре года его власти. И разрешается смертью Калигулы от ударов мечей убийц. Погибает жена, погибает годовалая дочь. Оплакать их смерть некому. Рим приветствует нового властителя, поднимает его на щиты преторианской гвардии. Лишь дурачок императора, Порциус, чтобы вернуть к жизни Калигулу, готов расстаться даже с полбенной кашей, составляющей смысл его существования: он вечно голоден.

Историю в том виде, в котором она ныне преподносится, от школьного уровня до академического, наукой назвать можно только условно. Официальная история — не наука. Это либо приближенный к истине пересказ событий, — то, что на самом деле есть лишь историография, описательная история, опирающаяся порой на факты, порой на обычные сплетни. Либо прямая ложь, фальсификация. Иногда — взгляд заинтересованный, под который подводится нужная идеология.

Перед нами как перед исследователями, как перед литераторами, пишущими на историческую тему, в связи со всем вышеперечисленным, встал ряд задач, весьма непростых для решения. Это предисловие к книге — именно о том, как они решались нами.

Наша трилогия ставит перед собой цель рассказать о зарождении, развитии и становлении христианства как религии. Это существенный промежуток времени, это значительное количество героев, в истории весьма известных. Римские императоры династии Юлиев — Клавдиев имеют прямое отношение к названной теме. При Тиберии жил Иисус, при Калигуле и Клавдии христианство давало первые ростки, а по нашим представлениям, и зародилось при прямом участии Клавдия; при Нероне училось сопротивлению, росло и ширилось. Оно неотделимо от Рима. И от политики властителей, от того, как вершили они судьбы мира.

Поначалу Калигула виделся нам героем «проходным». Рассказать о нем следовало, но прямого и непосредственного участия в формировании христианства как мировой религии он не принимал, новым учением не интересовался, не помогал и не препятствовал.

Но по мере накопления сведений наше отношение к этому человеку как к «проходному» потерялось. Мы вступили с героем в фазу личного знакомства. А личное знакомство предполагает и личностное отношение к фигуре. И, вопреки мнению большинства, мы обнаружили массу фактов «за», отбросили массу фактов «против»; более того, мы полюбили своего героя, прямого отношения к теме нашей трилогии не имеющего. Судьба Калигулы — это история, по сравнению с которой история Гамлета, принца датского, просто веселенький водевиль.

Так и получилось, что основную книгу мы продолжаем писать, и главы, посвященные Калигуле, в нее войдут. Но, вместе с тем, созрело решение опубликовать эти главы отдельной книгой. Как дань герою, не оставившему нас равнодушными. Как дань человеку, которого человечество незаслуженно оболгало. Чье имя стало символом зла, как и имя Ирода Великого. Не в первый раз выступаем мы, таким образом, «адвокатом дьявола». Об истинном, не мифическом лице Ирода Великого мы писали в первой части трилогии, в «Барнаше».

«Человека, умеющего наблюдать и анализировать, обмануть просто невозможно. Его выводы будут безошибочны, как теоремы Евклида». И еще из Конан Дойла: «По одной капле воды человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о существовании Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видал ни того, ни другого, и никогда о них не слышал».

Дедукция привнесена в историческую науку Львом Гумилевым, которого мы считаем своим учителем, человеком, с нашей точки зрения, сделавшим историю наукой. По мере своих возможностей, руководствуясь его теорией, мы «выплывали» из океана реальных фактов, выдумок и сплетен, предложенных нам историческими источниками.

Очень образно ученый говорил о проблемах сбора и обработки исторической информации. «Если просто собрать сведения из разных источников, то они чаще всего противоречат друг другу. Если же отобрать только те, которые между собой согласуются, то они рассыпа-

ются, как стальные шарики, сложенные в виде пирамиды. Надо бы их скрепить, сцементировать, да нечем!». Поэтому, считал он, необходим анализ, который целесообразно проводить путем синхронистического подбора фактов. Такой подбор помогает обнаружить преувеличения и недомолвки источников, а также «белые пятна» в общей картине. Затем предлагал заполнять «белые пятна» собственными выводами, восполняющими причинно-следственные связи. Первоначальная канва событий, полученная из источников, будет воссоздана ими. Гумилев рисовал графики, он создавал синхронистические таблицы

Перед нами попытка внесения логики и математики в историю. Это великий шаг. По отношению к естественным наукам Кант отмечал, что в каждой из них столько же науки, сколько математики. Что же касается истории, то она веками обходилась без математики вообще. Лишь историческая хронология пользовалась цифрами, чаще верными, а зачастую забытыми или намеренно подтасованными. Поэтому хронология, как список цифр, без обнаружения связей множества фактов с другими, оказывалась абсолютно беспомощна. Каждый факт требует нахождения его места в цепи событий, а далее и сверки с хронологической таблицей. Именно тогда можно говорить о науке — истории, а прочее, т. е. историография, — подсобное и не всегда нужное занятие.

«Один сенатор», «один всадник», без имени — таковы обычно описания людей, которые погибают вследствие приказов Калигулы и его козней в ряде документов о той эпохе. И говорится о множестве казней среди римской знати.

Однако давайте обратимся к фактам. Списки сенаторов той эпохи имеют место быть, сохранились. А ведь это и есть представители римской знати! Самые что ни на есть! Если их казнили, то, каким же образом они продолжали занимать свои должности из года в год?

Болгарский режиссер Яров Гырдев, тот, кто ставил «Калигулу» Камю с французским театром «Роза ветров» в Лиле, утверждает, руководствуясь документами, что за четырехлетие правления Гая по его приказу были казнены 26–28 человек. Этот факт, возможно, не красит Гая Августа Цезаря Германика. Но говорит о том, что он был цезарем в Риме весьма милостивым! Учитывая число заговоров, против него составленных

Мы старались следовать принципам Льва Гумилева в своей работе. Мы занимались математикой, пусть в самом скромном ее выражении. Искали логические решения в соответствии с методом дедукции, не забывая и индукцию. Мы старались внести принцип стереоскопии в свое исследование. Смотрели и «из мышиной норы», и «с высоты кургана», старались разглядеть что-либо «с высоты птичьего полета», насколько позволяло нам наше знание истории. Соглашались с ученым в том, что каждый из этих трех взглядов имеет право на существование и правдив. Но вид-то разный! И оценка событий, следовательно, разная. А вот выводы должны быть синтетическими. Мы пытались это сделать.

Стереоскопический способ рассматривания истории, предложенный Гумилевым, использовался нами на уровне четвертого — пятого приближений.

Образно говоря, первое приближение — это взгляд с «высоты птичьего полета», когда окидывается взором весь период существования человечества. На этом уровне видны очень крупные процессы, глобальные — смена формаций, демографический рост населения, технический прогресс.

Если говорить о втором приближении, то это виток длиной около 5 тыс. лет. Это те самые исторические культуры, которые то и дело сменяют друг друга, веками сосуществуя на поверхности планеты Земля. Так, заря Эллады совпала с закатом Египта и началом упадка могущества Ассирийского царства и Вавилонии.

В третьем приближении видим только одну культуру, переживающую свою юность, зрелость и старость. Перед нами предстанет картина социальной борьбы. В древнем Риме шла борьба патрициев и плебеев, затем — оптиматов и популяров, потом — сената и легионеров.

Принцип понятен. Тогда четвертое и пятое приближения с помощью «историоскопа» (по Гумилеву), воображаемого, конечно, для литератора представляет собой особый интерес. Можно увидеть отдельную эпоху. В которой нет места существенной смене формаций, не замечен явно демографический рост населения. То есть глобальные общие ритмы истории уже не так очевидны, как на большом временном участке, с «высоты птичьего полета». Зато отчетливы и выпуклы, как отмечал Гумилев, характеры и судьбы отдельных людей. Историк может говорить о необузданности Марии, железной воле Суллы, легкомыслии Помпея, предусмотрительности Цезаря, влюбчивости Антония и расчетливости Октавиана. Все это — до Калигулы. А после он станет говорить, наверно, о неразборчивости Агриппины Младшей. О жестокости Нерона. О том, что горе от ума стубило Клавдия. О предательстве Сенеки.

Пятый уровень приближения, по Гумилеву, «при котором в поле зрения оказывается один человек. Если этот человек Пушкин — возникнет пушкиноведение, если Шекспир — шекспириология. Но здесь история смыкается с биографическим жанром и перестает быть сама собой. Шкала историоскопа исчерпана». О Калигуле мы говорили на этом последнем уровне шкалы.

Почему мы говорим о предательстве Сенеки?

Предметом пристального нашего внимания были документы эпохи, касающиеся Рима. И тут ряд иллюзий наших развеялся. Мы были вынуждены признать, например, что весьма ценимый нами до сегодняшних дней Гай Светоний Транквилл, — историограф, но не историк, причем не самый добросовестный. Истина и ложь часто бывают смешаны в рассказе, все дело в пропорциях; а у Светония они явно смещены в сторону сплетен и прямых инсинуаций. Недавно зовут этого автора отцом «желтой прессы» своего времени. И это не самое еще страшное деяние.

Вот Луций Анней Сенека, философ-стоик, политический деятель, писатель — блестящий фальсификатор истории. Несмотря на то, что трудов исторических он не оставил. Ведь история как наука складывается из двух составляющих: из самого процесса движения во времени и описания этого процесса. Сенека вмешивался в сам процесс движения, настолько активно, насколько позволяли ему немалые возможности. Заметим, что в первую очередь Сенеке обязаны мы значительной переделкой истории первого века нашей эры.

Автор «Нравственных писем к Луцилию» был непростым человеком. Во многих энциклопедиях можно прочесть о том, что Сенека-де был идеологом сенатской оппозиции деспотическим тенденциям первых римских императоров, борцом с абсолютизацией власти. Но факты говорят об обратном.

При малолетнем воспитаннике своем, Нероне, был единственным фактическим властителем Рима на протяжении семи лет. Владел немислимим состоянием: триста миллионов сестерциев. Был консулом. И это человек, который утверждал:

«Пусть привлекают других и война, и курульные кресла, Все, что лелеет в себе тщетную радость свою. Почестей я не ищу; быть бы частью народа простого И до последнего дня днями своими владеть». Потом оперился его воспитанник. Воспитанник, которого хорошо учил Сенека, оказался прекрасным учеником. К власти его тянуло не меньше, чем воспитателя. Поступки воспитанника вызвали недоумение и ужас в Риме.

«Высоконравственный» учитель, философ-стоик, оказался обыкновенным трусом; когда его косвенно заставили поучаствовать в убийстве его высокой покровительницы, Агриппины, любовником которой он был — он поучаствовал! И лично писал позорное письмо императора в сенат, оправдывающее сей поступок. Трудно представить себе более «нравственное поведение» философа-стоика.

Говорят, Сенека оставил все свое состояние Нерону, удалился от дел в знак протеста. А что же ему оставалось?! Все равно бы отняли, он своего воспитанника знал лучше, чем кто-либо другой. Это была попытка откупиться, которая не удалась.

Смерть Сенеки, на наш взгляд, это не что иное, как восторжествовавшая справедливость. Стоик долго шел на поводу у собственной трусости, потворствуя выходкам Нерона, идя на непозволительный компромисс. И стал жертвой этой самой трусости. Зная Нерона, трудно предположить, что он убил в Сенеке свою совесть, как трактуют это многие историки. Убивать-то и нечего было тому, кто так спокойно расправился с собственной матерью. В полной мере перенял воспитанник от воспитателя умение лицедействовать; способность говорить о высоком, творя низкое.

Мы нашли ряд фактов, которые позволяют сделать логичное предположение: Луций Анней Сенека был отцом Нерона, или предполагал, что мог им быть. Об этом — в следующей книге.

А вот о том, что заставило Сенеку расправиться с историей своего века, следует написать уже сейчас.

Личные взаимоотношения с императором Клавдием складывались у него весьма непросто. В самом начале правления Клавдия за дворцовую интригу был отправлен Сенека в ссылку на Корсику, на восемь лет. В числе прочих обвинений было обвинение в любовной связи с Агриппиной, матерью Нерона. Она только вернулась из ссылки, куда отправил ее Калигула; была возвращена дядей, Клавдием. К Сенеке новоявленный император отнесся, как видим, менее благосклонно.

Но даже не эта ссылка, весьма болезненная для Сенеки, основная причина его ненависти к Клавдию. Руководствовался философ и завистью человека небесталанного к человеку безмерно талантливому.

Сам он, Сенека, из всадников, Клавдий — урожденный патриций. Сам он из Кордобы, покоренной римлянами, Клавдий из сабинян, которые стояли у истоков создания Рима. Клавдий великий историк, Сенека ею не владеет, его стезя — малые формы. Клавдий у власти, которая принадлежит ему по крови, Сенека к ней только прилипнуть пытается, через Агриппину, женщину; через продажный сенат. Клавдий успешный полководец, Клавдий покоритель Британии, что не удалось даже Цезарю и Октавиану, он прекрасный политик, Клавдий знает языки, Клавдий владеет логикой и математикой так, что выстраивает теорию игр. Клавдий занимается орфографией, он лично тушит пожары, он женится на Агриппине, к которой неравнодушен Сенека.

Просто Моцарт и Сальери по Пушкину! И стоик не устоял! Только в руках у Сальери был лишь яд. А возможности Сенеки после смерти императора Клавдия были не ограничены, как говорилось выше. Он сделал все, чтоб вычеркнуть из истории Клавдия.

Книги Клавдия уничтожаются, его нововведения предаются забвению. Его памятники разрушаются. Даже монеты с его изображением переплавляются. Его имя осмеивается. Его деяния оплеваются. И вот, один из самых великих властителей Рима действительно вычеркнут из истории.

Что же касается Калигулы, он вовсе не был основной мишенью Луция Аннея Сенеки. Просто он был племянником Клавдия. Просто являл собой полную противоположность воспитаннику последнего. Философ поступал как некоторые недалекие родители, оправдывающие таким образом свое дитя, что бы оно ни делало: «Мой еще не самый плохой! Вы посмотрите, что другие-то вытворяют!». И старался, описывал то, что было и чего не случилось. Оправдать Нерона, очернить Калигулу, вот в чем видел свою задачу Сенека. Говоря словами профессора Энтони Баррета: «Образ Калигулы как чудовища сложился уже ПОСЛЕ его правления и стал следствием идеологических интервенций».

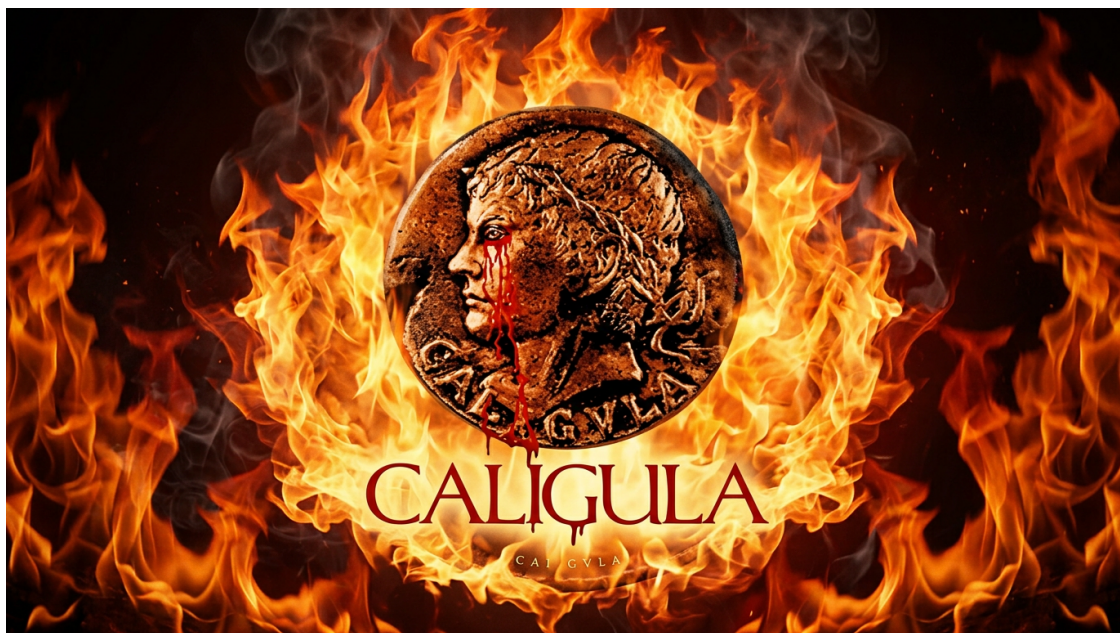
Историческая наука, как любая другая, опирается на факты. Только здесь факты извлекаются из исторических источников. Тонкости перевода, тонкости отношения пишущего к описываемым событиям, стремление подвести под определенную идеологию: сколько препятствий к тому, чтоб факт предстал только фактом! Голым, не трактуемым вкось и вкривь. Как писал

об этом Гумилев: «В каких бы выражениях ни было сказано о поражении, допустим, русских на реке Калке — факт не изменится и убитые князья не воскреснут. Для нашего анализа достаточно такого перевода и даже следует ограничиться именно им, чтобы иметь возможность взвесить все *pro et contra* беспристрастно».

В ходе работы над своей книгой мы тщательно собирали подобные «голые» факты; накапливали, сверяли по источникам. И на основании таких фактов строили предположения. Да, они не совпадают с общепринятыми, зато укладываются в канву событий, описанных историками, зато они логичны. Потом прибегли к литературному описанию того, КАК это могло быть на самом деле. На нынешнем уровне наших знаний, теперь, когда мы прожили с Калигулой всю его жизнь, от колыбели до последнего удара мечом, нам не страшно спорить с такими авторитетами, как историк Светоний или литератор Камю

Что из этого получилось, — судить вам, дорогие читатели...

Глава 1. Детство.

Малыша, которому было всего три года, звали длинно, торжественно и очень величаво – Гай Юлий Цезарь[1]. Впрочем, сам малыш об этом ещё ничего толком не знал. И длинное составное имя того, кто был его прапрадедом, уже довольно далёким предшественником, как по крови, так и по будущей власти, и сама эта власть, и даже название страны, в которой он родился, гордое слово «Рим», – все это было для него не более чем пустым звуком. Он привык к ласковому прозвищу «Калигула»[2]. Так звали его те, кто были ему няньками и мамками, куда более ласковыми, чем его родная мать. Так звали его legionеры великого Рима. Он всегда, с тех самых пор, как вышел из пеленок, был одет так, как были одеты они. Он жил там, где жили они – в своих походных, мало обустроенных лагерях. Он знал шум битв, как его знали они. Он тянулся с детства к сверкающим мечам, хватался за пилумы[3]. Он хорошо спал в седле, держась за спину приласкавшего его кентуриона. Любил огонь костров, запах жареного мяса, воспаряющий к небесам. И хотя Гай родился в Анции[4], людская молва приписала ему другое место рождения – лагеря рейнской армии, подхватила стишки, сочиненные кем-то из любящих близких в качестве эпиграммы, шутки, но распевали эту шутку повсюду вполне всерьёз:

В лагере был он рожден, под отцовским оружием вырос:

Это ль не знак, что ему высшая власть суждена?[5]

Детские сапожки солдатского образца дали ему имя. Отец его был великим полководцем, носившим славное имя Германик[6]. Мать его[7], повсюду следовавшая за героическим мужем, почиталась солдатами как образец древней нравственности. Они звали ее украшением родины и подчинялись ей

Сегодня у столь достойного малыша, сына великих родителей, день был не самым удачным. Мать отшлепала его с утра за какую-то маленькую провинность, во всяком случае, он сам не ощущал за собой вины. Раньше ему позволялось баловаться, а этот раз стал исключением, притом обидным. Когда повозки двинулись в путь, сопровождаемые легионом, и вступили под сень леса, называемого Тевтобургским[8], ребенок не мог знать, что это – печальная экспедиция. Он веселился, щебетал, как щебетали в лесу птицы. Обеспокоенные поначалу множеством людей, идущих между деревьями, птицы вскоре привыкли, и теперь уж заливались в полный голос.

Шаг легиона был расстроен, никто не обменивался обычными шутками, не было пердразниваний, криков, песен. Один Калигула, как уже говорилось, шумел, да птицы из-под крон деревьев, славящие занимающийся день, щедроту солнечного тепла, возвратившегося после прохладной, орошенной дождем ночи. Справиться с птицами не в силах была и сама Агриппина, волевая, энергичная, непреклонная его мать. Зато с сыном она быстро разобралась. Некоторое время она уговаривала мальчика посидеть спокойно. Расшалившийся Гай, ощущая себя центром вдруг притихшего и даже затаившегося мира, не мог удержаться. Повозка проезжала под деревом, ветви которого довольно низко нависли над его головой. Мгновение – и Калигула повис на ветке. Холодная вода хлынула на голову сидящей в повозке матери с годовалой сестрой Гая на руках. Агриппина-младшая залилась плачем, протестуя против неожиданной холодной ванны. Старшая же Агриппина, женщина с бледным, отечным и в пятнах лицом, которое отнюдь не красила очередная, пятая по счету беременность, попыталась удержать одной рукой Гая. Ей это не удалось. Мальчишка из повозки выпал, но не расшибся. Ветка удержала его, легкого, и он заливался смехом, указывая пальцем на мокрых женщин. Вот за это мать и отшлепала его, предусмотрительно передав сначала девочку няньке. Было не больно, зато обидно. А за поднятый плач мать еще и добавила Гаю пару затрещин. Его вновь усадили в повозку. Он уснул под мерное покачивание колес. Ему снился отец.

Облаченный в собственное величие, одетый в крепкую броню собственной славы, Германик все же изредка, когда судьба дарил им часы покоя и уединения, становился тем, кем он был по-настоящему в сердце своем, – нежно любящим отцом и мужем. Он ласково касался рукой головки младшенькой своей, Агриппины Юлии, таращившей на отца светлые глаза. Она ему улыбалась, тянула ручки. Находил слова для двух старших сыновей, Нерона и Друза Цезарей; рассказывал им подробности былых боев, объяснял причины неудач, но чаще, конечно, побед. Ведь они были римлянами. Их судьба была особой, они рождались, чтобы побеждать. Легко, беззлобно посмеивался над женой, Агриппиной. Он называл ее, вспоминая свою былую любовь к греческой литературе и истории, своей Афиной Палладой[9], непобедимой и страстной воительницей. Агриппина, местом рождения которой были греческие Афины, не возражала. Он нежно разглаживал морщины на ее лбу, пытался развести сжатые сурово брови. Часто вел старый, ни к чему не приводящий спор, просто по привычке. И из сострадания к ней, лишенной обычных удобств и положения знатной женщины. А ведь она была внучкой императора Октавиана, значит, имела все права на лучшее.

– Доля женщин должна быть иной, родная. Носить красивые одежды, радовать взоры мужчин. Смеяться чаще. Бросать порою детей на нянек и блистать в кругу подруг, под пение и музыку, ласкающие слух куда более чем бряцание оружия. Язык женщины, дабы он произносил столь нужные мужчинам нежности, не был злым, должен, по меньшей мере, помнить легкую ласку вина из кратера[10] и изысканной еды

– На что Германику подобная жена, скажи, – упрямо сводя брови даже под рукою обожаемого мужа, отвечала Агриппина. – Хорошая мать не оторвет ребенка от стремян, когда он мальчик и римлянин. Хорошая мать не лишит дочери живого примера великого отца, дабы дочь знала, какими должны быть она и ее собственные дети. Хорошая жена не станет бормотать усталому мужу нелепости. Ей достанет других дел; разве я плохо перевязывала твои раны? Я утирала кровавый пот с твоего лица и умирала твою боль. Я знала всегда, что сказать усталому воину, когда дух его едва не сломлен

– Да, соглашался с нею Германик, – ты всегда была редкой женой, истинной римлянкой, моя дорогая.

Затевая каждый раз сей спор, он надеялся в душе на подобный ответ жены; ее присутствие в его жизни было, пожалуй, единственной радостью, что мог себе позволить Германик. Лишись он этой малости, и жизнь стала бы совсем пустой и глупой шуткой неблагосклонных богов.

– Но улыбнись сейчас, не хмурься хотя бы в эти мгновения покоя. Дай мне Калигулу, – говорил он обычно.

Гай, страстно привязанный к отцу, не умел проявить своего чувства. Жался чаще где-то в углу, не сводя глаз с Германика, и ждал его взора, улыбки. Мать хватала малыша за руку, вытаскивала на свет, к теплу, к объятьям отца. Мальчик вдыхал крепкий мужской запах, жмурился от счастья

Высоко взлетает Калигула, устроенный отцом на согнутой в колене ноге. Малыш знал качели и посерьезней, воины легко устраивали их на крепких веревках между деревьев. Но отцовская нога лучше, много лучше. Германик высоко подбрасывает сына, крепко держа за руки. Он улыбается, смеется и сам в ответ на счастливый смех сына. Он бормочет какие-то наспех придуманные, глупые стишки в такт раскачиванию.

– Сапожок мой, сапожок, круглолицый сапожок, – вот такие глупости способен произносить автор греческих пьес в прошлом, великий полководец и наследник Тиберия, нестигаемый воин Германик, когда возится со своим младшеньким сыном

Укачанный мерным движением повозки, изредка подскакивающей на ухабах, маленький Калигула смеется во сне, подбрасываемый отцом. Он видит отца, он видит мать, соизволившую все же украсить этот день своей улыбкой. Эта улыбка – словно солнце из-за туч после многих, многих дней непогоды и даже бурь

Меж тем повозка въезжала из леса в Дэрское[11] ущелье. Горы из кремнистого известняка, окаймленного с двух сторон песчаными дюнами. Глубокий слой песка, сбитого ветром в дюнные холмы. Все меньше деревьев, и повсюду вереск. Маленький ручей, бегущий куда-то к северу. Дюны перемежаются болотами, топью. Мрачный, странный пейзаж. Дорога идет по склону горы, в дюнах и увязнуть недолго.

Повозка остановилась там, где ущелье стало совсем узким. Проход в двести пассив[12] шириной между гор, узкая лощина. Что там, на дне ее?

Мальчик проснулся от глухих рыданий женщин. К рыданиям присоединилось затем бряцанье щитов, о которые мерно ударялись мечи. Он услышал повторяемые ритмично под эти удары странные слова.

– Вар[13], верни мне мои легионы[14], – вот что глухо, недобро, многократно произносил легион его отца устами множества воинов. И сопровождал эти странные слова стуком щитов.

Калигула ощутил угрозу в этих непонятных словах. Он ощутил угрозу в звуках брани, разглядел ее в лицах близко стоящих к нему легионеров. Они были суровы, непроницаемы. Малыш еще никогда не видел их такими. Сошедшая с повозки мать не просто плакала. Она, склонившись над каким-то холмом, рыдала громко и вслух. Развевающаяся на ветру стола временами очерчивала больших размеров живот, который мать придерживала руками. Волосы ее были распущены, изо рта вырывался то стон, то вой какой-то, и обрывался потом на высокой ноте. Мать содрогалась всем телом, дрожала, снова начинала крик

Не помня себя, мальчик слетел вниз с повозки. Зрелище рыдающей матери потрясало; она не позволяла себе подобного. Далека была в их обыденной жизни от жалоб и криков, а уж от слез и рыданий – тем более. Невдалеке Гай разглядел и отца; по лицу его сильного, непобедимого отца стекали слезы. Калигула был всего лишь ребенком, и хотя окружающий мир бывал суров к его близким, на него это еще не распространялось. Что бы ни случилось, люди вокруг могли быть строгими к нему, и только. Но чтобы все вокруг угрожало или плакали

Он бросился к той, что рыдала, за помощью. Он знал, что она строга, и неласкова, и сердита. Но зов, что бросил его к ее подолу, был намного древнее маленького Гая. То была его мать, а искать защиты, прежде всего у матери – что может быть естественнее для ребенка?

Наверное, Агриппина любила его. Ведь он был не просто ребенком, а сыном, надеждой ее сердца римской матроны. Младшеньким мальчиком в семье. Глаза ее обожаемого мужа светлели, остановившись на Калигуле. И не только ее мужа, но и всего войска. Легионеры шли

в бой с легким сердцем, когда она провожала их, держа на руках сына, протягивая его каждому – как часть родины, как символ того, за что они шли сражаться. Но Агриппина и впрямь была излишне суровой женщиной. Не щадя никогда себя, она не находила нужным щадить и других. Особенно мужчин. А малыш Гай был в ее сердце мужчиной.

И она не стала утешать Калигулу. Она поднялась с колен, на которые упала в очередном приступе горя несколько мгновений назад. И повернула сына, прячущего лицо в складках ее одежды, к тому, на что уже давно с ужасом и состраданием были устремлены лица всех участников этой сцены.

– Ты римлянин, сын мой, – сказала она. – Вот и смотри.

И он стал смотреть. Под бесконечный стук щитов и странные слова, исполненные угрозы:

– Вар, верни мне мои легионы

Он увидел нечто подобное множеству лагерей, что строили римляне в походах. Открытая поляна; на ней полуразрушенный вал, неполной глубины ров. Повсюду посреди поля скелеты, где одинокие, где наваленные горами. Обломки оружия. Качающиеся на виселицах останки, выбеленные солнцем кости. Человеческие черепа, пригвожденные к древесным стволам.

Он не понимал этой картины. Но страшился множества костей, конских и человеческих, черепов, глядящих на него широкими, лишенными глаз глазницами. Отец с матерью не страшились. Германик подал пример всем прочим. Стал собирать кости и нести их к открытой яме. Агриппина помогала ему.

В стороне от них, но близко от Калигулы раздался громкий мужской плач. Рыдая, простирал к дереву руки знакомый малышу кентурион, часто бравший его в свое седло.

– Я нашёл тебя брат, я тебя нашёл!

Кентуриона окружили соратники, увещевали его, как могли.

– Как можно узнать брата по голому черепу, дружище? – уговаривал его один.

– В самом деле, – вторил другой, – Фламинин, глупо так умирать. Брат твой погиб здесь, но кости его смешались с другими костями, быть может, и германскими тоже. Помоги похоронить их с честью, и долг перед братом ты исполнишь. А брат уж выполнил его давно, не вернувшись из этого проклятого места

– Что вы мне твердите, будто я ребенок, что не найти мне брата? Он получил свою первую рану еще в Косматой Галлии[15], и вот она, страшная зарубка, на черепе! А кости, что лежат под деревом? Много ли трехпалых с изуродованной левой рукой? Это – память от винделиков[16], но брат считал, что ему повезло, рука-то не правая. Он и с этим обрубок был неплох, мой брат, пока не поймали его в ловушку глупость Вара и храбрость Арминия[17].

– Вот и фалеры[18] его тут, под деревом. Вот как свиделись мы с тобою, брат! – повторял, будто в бреду, легионер, и перемежал эти слова громкими рыданиями.

Калигула подобрался поближе к плачущему Фламинину. Хотелось приласкать кентуриона, утешить. Тот ведь не скупился на ласку, когда Калигула плакал. Но Калигуле еще можно, он хоть и легионер, но маленький! а Фламинину не надо бы. И отцу тоже неправильно плакать. И маме

Диск в руках Фламинина. Красивый такой! Белое вперемешку с синеньким. Фалеры такие еще не видел Калигула.

Он осторожно вынул из руки Фламинина награду. С диска на Калигулу взглянул Купидон. С плетеной косой, идущей от темени ко лбу. Маленький такой, как сам Калигула. И если уж честно, совсем на него похожий! Да что это, не сам ли Калигула изображен на диске? И мальчик помчался к матери, мало утешающей обычно, зато не оставляющей вопросы без ответа.

– Мама, мама, посмотри! – кричал он на ходу, захлебываясь от возбуждения. – Смотри мама, это я!

Добежав до матери, он протянул ей диск из сине-белого агата с изображением Купидона. Руки матери дрожали, когда она взяла награду из рук. И губы ее тоже дрожали.

– Это Гай Юлий Цезарь[19], – сказала мать. – Но это не ты, Калигула. Благодарение Салюс[20], мальчик мой, то не ты.

И вновь на ее глазах появились слезы, высохшие было. Она была женщиной суровой, Юлия Агриппина. К себе в первую очередь, как уже говорилось. Первый приступ горя, сразившего её в этом месте, уже был подавлен. Она постаралась справиться и со вторым.

– Пойдем, сын, – сказала она строго. – Вернем награду Фламинину. Это не наше, хоть и принадлежит нам по праву как будто. Уже не наше, мы это отдали Риму

И она дошла, держа Калигулу за руку, до дерева, под которым стоял бормочущий что-то про Вара и легионы, бьющий себя кулаком по груди кентурион Фламинин. Склонилась перед легионером в легком полупоклоне, протянула ему диск

Кентурион взял. Подержал диск из агата в руке, вглядываясь. Мелькнуло на лице его понимание и сочувствие. Кивнул женщине головой, не глядя в глаза. И осторожно положил награду у подножия дерева. Мать отошла. Фламинин больше не рыдал и не бормотал. Он стал собирать то, что осталось от брата на земле, поросшей изумрудным мхом и покрытой иголками

А малыш Калигула с ужасом смотрел на череп, пригвожденный стрелой к дереву. К которому так неосторожно, так близко подвела его мать. Эта голова была когда-то живым человеком, братом кентуриона! Эта мысль испугала Калигулу. Неужели все, умерев, превращаются в это? Он слышал о гибели воинов в бою, но это означало до сих пор лишь то, что они исчезали из его жизни бесследно. Все ли они стали голыми черепами без глаз? Все ли они превратились в кости, белеющие на холмах?

Ребенок, напуганный множеством новых для него впечатлений и мыслей, ребенок, которому не удалось получить ответов на сонм вопросов, его взволновавших, вновь попытался найти себе помощь у окружающих. Но мать и отец были заняты, носили кости, которые, оказывается, были частями тела ранее живых людей. Этим же занимались воины легиона, несли со всех сторон свою страшную ношу, потихоньку разбредаясь по лесу, из которого легион вышел к ущелью.

Калигула хотел бы быть рядом с ними. Но то, чем они занимались, устрало его. И он попятился, потянулся назад в лес. Очень осторожно, почти неслышно, и как только ему показалось, что его уже не увидят, развернулся спиной к тревожащей его картине и побежал

Даже напуганный трехлетний малыш не мог бы бежать долго, да и не убежал бы слишком далеко. Только, когда бежишь, не стоит крепко зажмуривать глазки, а именно это сделал Калигула, пытаясь отогнать от себя жуткие видения. На каждом втором и третьем дереве леса был прибит череп. Все это означало: лес принадлежит Арминию, и всех врагов его ждет та же участь. Но что бы это сказало малышу, который бежал от ужасных костей и черепов? Ему, во что бы то ни стало, надо было удрать. Он задышался от страха, летел

И кубарем слетел вниз, в незамеченную им лощину. Полет был долгим, ничто не сдерживало его. И мальчик несомненно пришел в себя после того, как скатился, наконец, на самое дно, бывшее уже пологим, и потому прекратившим его стремительное движение.

Над ним было голубое, с редкими облачками небо, когда он решился все же взглянуть. Там, в вышине, было и солнце, неожиданное солнце сегодняшнего дня. Его лучи просвечивали сквозь ветви деревьев, что росли вверху, на склонах. Здесь, в лощине, деревьев не было. Была травка, свежая зеленая травка, и солнечные зайчики прыгали на ней, потому что там, наверху, ветер колыхал листву. Калигула присел и огляделся вокруг. Никаких костей поблизости он не увидел.

Зато недалеко от себя разглядел норку. Из норки высунулся любопытный носик потревоженного существа. Невообразимо рыжее что-то тянулось вслед за носиком. Круглый черный кончик втягивал в себя воздух, морщился в усилиях вынюхать причину шума. То ли сноровки

не было, то ли Калигула был с подветренной стороны. Только рыжее существо осмелилось выползти наполовину из норки. Это был лисенок, маленький, и не такой уж рыжий, как оказалось, местами какой-то полинялый. И все же совершенно очаровательный, а главное – живой. Калигула едва дышал, боясь потревожить его. По опыту он знал уже, что дикие живые существа плохо уживаются с человеком. Воины легионов уже приносили ему, маленькому, не имевшему друзей, то зайчонка, то волчонка, другую живность. Они не уживались с Калигулой, каждый смотрел в лес, презирая его ласки. Помнится, он горько плакал, когда сбежал волчонок. Мать, как всегда, была строга.

– Волчонок любит свободу, как ее любишь ты. Посади тебя на цепь, лиши возможности бегать и прыгать, видеть то, что тебе мило и делать то, что тебе хочется. Разве это было бы правильно?

– Ты ничего не разрешаешь мне, чего я хочу!

– Я разрешаю тебе многое, очень многое, сын. Я не кричу, когда ты взмываешь на качелях к самому небу, хотя и боюсь за тебя. Я не запрещаю тебе хвататься за короткий меч и сражаться с Фламинином, хотя очень боюсь, что рука кентуриона дрогнет, и ты, маленький, получишь рану. Я не запрещаю купаться тебе в холодных реках, ведь ты уже плаваешь, а страх – не то чувство, что украсит сына Германика. И я молчу. Да, верно, не всегда промолчу, порой я тебя наказываю, если заслужил. Но ведь и волчица не обделена разумом, и при случае она способна шлепнуть расшалившегося волчонка лапой или куснуть за загривок. Ты помнишь, что волчица вырастила Ромула и Рема? Она тоже была матерью, и они знали ее зубы на своей шкуре!

Они помолчали, Калигула потому, что не знал ответа на ее справедливый упрек. Он был очень умен для своих лет, но еще мал, должно быть, для понимания своей строгой матери.

– Ты ведь не волчонок, а человек. Ты пойдешь дальше, нежели волчонок, пусть мы и обожествляем кормилицу

Мать помолчала немного.

– Ты научишься когда-нибудь подчиняться сам, добровольно. И подчинять свои желания главному. А главное ты знаешь, сын великого императора[21]. Главное – это Рим

Но Рим еще ничего не значил для маленького Калигулы. Он еще не знал, что Рим должен быть главным, и не хотел знать. Главным было небо над головой, свобода взмывать к небу на качелях, купаться в холодных реках. И раз уж ему это позволяли, то он поспешил вернуться к любимым занятиям. Он отложил великий Рим на потом.

Между тем тишина вокруг успокоила обитателей норки. Калигула все еще не дышал, наблюдая. Вот уже второй лисенок выбрался несмело на травку. Третий Их было трое, маленьких жителей леса. И они затеяли на глазах у очарованного Калигулы смешную возню. Каждый пытался взобраться на спинку брата, подмяв его под себя. Веселая пирамидка из рыженьких тел то возвышалась, то распадалась вдруг. Лисята сопели, порой очень смешно рычали друг на друга. Нередки были и укусы, но, видимо, не слишком серьезные поначалу, а потом и набравшие силу. Порой раздавался чей-то обиженный визг

– Калигула! Калигула! Маленький Гай!

Крики возникли откуда-то сверху, почти одновременно. Его вызывали несколько глоток, соревнуясь в высоте и громкости. Лисята, конечно, тут же скрылись в норке. Малышу показалось, что и солнце убежало вслед за ними, но нет, то были лишь тени, нависшие над приютившей ребенка ложиной и закрывшие от него свет солнца. Великий Рим призывал его голосами своих солдат...

[1] Гай Юлий Цезарь, лат. Gaius Julius Caesar, имя, данное при рождении. Гай Юлий Цезарь Август Германик – лат. Gaius Iulius Caesar Augustus Germanicus; 31 августа 12, Анций – 24 января 41 гг. н.э., Рим – римский император. Помимо этого, принцепс Сената, Великий понтифик (лат. Pontifex Maximus). Трибун (лат. Tribuniciae

potestatis), Отец отечества (лат. Pater patriae) – с 38 года. Четырежды консул (37, 39 – 41). Агномен Калигула – лат. Caligula – в официальной титулатуре не использовался. Император из династии Юлиев-Клавдиев.

[2] Калигула (лат. caligula) – сапожок, уменьшительное от слова «калига» – сапог.

[3] Пилум (лат. pilum) – метательное копьё – дротик длиной от 1,7 до 2м, половина которого представляла собой древко, а другая половина – железный наконечник; последний весил от 300 до 600г. На конце дротика было утолщение, которое заканчивалось остриём, иногда волнистой формы. Древко было круглое или четырехгранное и имело от 25 до 32 мм в диаметре. Оно было прикреплено к металлическому концу копья при помощи кольца, или гвоздей, или, наконец, трубки. Метательное копьё редко наносило рану, так как обычно неприятель отражал удар щитом. Но при этом дротик в большинстве случаев втыкался в щит так глубоко, что выдернуть его можно было лишь с большим усилием.

[4] Анций (итал. Anzio) – город-порт на треугольном выступе Тирренского моря, в Италии, расположен в регионе Лацио, в провинции Рома. Анциум (Antium) древнее Рима, до покорения последнему в 338 г. до н. э. был укрепленным городом вольсков. По преданию, город основан Антеем – сыном волшебницы Цирцеи от блудного Одиссея. Во времена империи Анциум соперничал с Помпеями по количеству приморских вилл состоятельных римлян. У берега моря стоял императорский дворец, в котором родились Калигула и Нерон.

[5] Светоний Г.Т. «Жизнь двенадцати цезарей».

[6] Германик Юлий Цезарь Клавдиан (лат. Germanicus Iulius Caesar Claudianus), урожденный Тиберий Клавдий Нерон Германик (лат. Tiberius Claudius Nero Germanicus), также упоминается как Нерон Клавдий Друз Германик (лат. Nero Claudius Drusus Germanicus), часто упоминается как Германик (24 мая 15 г. до н.э. – 10 октября 19 г. н.э.) – римский военачальник и государственный деятель, консул 12 и 18 годов, прославившийся своими масштабными германскими кампаниями. Почетный когномен Germanicus – «Германский» он, как и его брат, унаследовал от отца.

[7] Випсания Агриппина (лат. Vipsania Agrippina), часто – Агриппина Старшая (14 г. до н.э., Афины – 18 октября 33 г. н.э., Пандатерия) – дочь Марка Випсания Агриппы и Юлии Старшей, жена Германика, мать императора Калигулы.

[8] Битва в Тевтобургском лесу – сражение в сентябре 9 года между германцами и римской армией. В результате неожиданного нападения восставших германских племен (под предводительством вождя херусков Арминия) на римскую армию в Германии, во время её марша через Тевтобургский лес, три легиона были уничтожены, римский командующий Квинтилий Вар покончил с собой. Сражение привело к освобождению Германии из-под власти Римской империи и стало началом длительной войны империи с германцами. В итоге германские земли сохранили независимость, а Рейн стал северной границей Римской империи на западе.

[9] Афина Паллада (Минерва, Паллада, Тритогея, Эргана, Полиада, Проматхос, Парфенос) – дочь Зевса и Метиды, богиня-воительница, защитница городов, покровительница наук, земледелия, ремесел. Самим Зевсом рождена была богиня Афина. Зевс-громовержец знал, что у его первой жены, богини мудрости Метиды, родится ребенок необычайного ума и силы, превосходящий по мудрости своего отца. Мойры, богини судьбы, открыли ему эту тайну. Испугался Зевс, что может свергнуть его родившееся дитя. Чтобы избежать грозной судьбы, он, усыпив Метиду, проглотил ее, уже носившую во чреве ребенка. Через некоторое время почувствовал Зевс страшную головную боль. Тогда он призвал своего сына Гефеста, приказал ему раз-

рубить себе голову, чтобы избавиться от невыносимой боли и шума в голове. Гефест мощным ударом топора расколол череп Зевсу, и вышла на свет из головы громовержца могучая воительница, богиня Афина Паллада.

[10] Кратер (греч. krater – от kerannymi – смешиваю) – большой древнегреческий сосуд для смешивания вина с водой, глубокая чаша на ножке с двумя ручками.

[11] Дэрское[11] ущелье – ущелье в Тевтобургском лесу.

[12] Пасс (лат. passus) – двойной шаг римского воина, был равен 148,1 сантиметра. Название «римская миля» связано с латинским названием числительного 1000 – mille. У римлян милей называлась тысяча двойных шагов вооруженного римского legionera – mille passus, её длина составляла 1481 метр.

[13] Публий Квинтилий Вар (лат. Publius Quinctilius Varus; 46г. до н.э. – осень 9 г. н.э.) – римский военачальник и политический деятель в период правления императора Августа, муж его внучатой племянницы, консул 13 г. до н.э. Принадлежал к обедневшей ветви древнего патрицианского рода Квинтилиев. Был разбит германцами под предводительством Арминия в Тевтобургском лесу в 9 г. н.э. Тацит сообщает, что Арминий отослал голову Вара вождю маркоманов Марободу, с которым стремился заключить союз, но Маробод отклонил предложение о союзе и отослал голову в Рим.

[14] В. Дмитренко. «Властители Рима».

[15] Косматая Галлия – Га;ллия (лат. Gallia) – римское название исторической части Европы, ограниченной руслом реки Рубикон, Апеннинскими, руслом реки Макра (лат. Масра, современное название Магра), побережьем Средиземного моря, Пиренеями, Атлантическим океаном, руслом реки Рейн и Альпами. Ко времени первых упоминаний о Галлии в римских письменных источниках, наибольшая часть ее территории была заселена различными кельтскими племенами. Последних римляне обобщенно называли «галлами» (лат. Galli, мн. ч. от лат. Gallus), что и послужило основой для выбора названия соответствующих земель. Волосатая (Косматая) Галлия (лат. Gallia comata) – вся Трансальпийская Галлия, кроме романизированной Нарбонской Галлии. Названа так за привычку галлов носить длинные волосы.

[16] Винделики – кельтские племена, обосновавшиеся на Верхнем Дунае. Их главным центром считается Манхинг (в Баварии). Как показывают археологические исследования, город прекратил свое существование в 15 году до н. э., когда он был захвачен и разгромлен римской армией.

[17] Арминий (лат. Arminius; 16 г. до н.э. – около 21 г. н.э.) – вождь германского племени херусков, нанёсший римлянам в 9 г. н. э. одно из наиболее серьезных поражений (битва в Тевтобургском лесу). Как сообщает древнеримский историк Тацит, Арминий, родившийся в 16 г. до н. э., был сыном вождя херусков Сегимера. В 21 г. н. э. Арминий был убит своими приближёнными; согласно Тациту – Сегестом, отцом своей жены Туснельды.

[18] Фалеры (лат. phalerae от греч. phalara – "бляха, кружок") – у древних греков фаларами назывались металлические бляхи конской упряжи, а также "нащечники" воинских шлемов, детали панцирей и просто круглые украшения. Древние римляне использовали фалеры сначала как знаки принадлежности к занимаемой должности, например, как знак сенаторской власти, но затем фалеры становятся военными наградами. Наука, изучающая историю медалей, значков, фалеров, знаков отличия, орденов, называется фалеристикой.

[19] Поразительное портретное сходство "Амура" на фалерах из разных частей Европы позволяет предположить, что таким образом мог быть изображен реально существовавший человек из ближайшего родственного окружения какого-

либо императора династии Юлиев-Клавдиев. По мнению О.Я. Неверова, "Амур" на фалерах изображает Гая – умершего в малолетстве брата и тезку императора Калигулы. Ссылаясь на Светония, О.Я. Неверов напоминает, что по приказу Августа и Ливии их любимый правнук Гай на посмертных портретах изображался в виде Купидона – Амура (Suet., Caius, 7).

[20] Салюс (лат. *salus*) – богиня спасения, здоровья, благополучия, процветания. Почиталась на вершине Салютаре (одной из вершин холма Квиринал), после синойкизма стала общеримской. С ней был связан древний, возобновленный Августом обряд *augurium Salutis* – в период прекращения военных действий ежегодные обращения к богам с вопросом, дозволено ли просить о благополучии Рима.

[21] Император (лат. *imperator* – повелитель) – в Древнем Риме почетное звание, дававшееся победоносному полководцу. После установления Октавианом Августом нового режима – принципата – один из титулов правителя государства, к эпохе поздней античности постепенно становится основным.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.